

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ЭКОНОМИКА

Модель Трех Толстяков

Приватизация — национализация... и снова приватизация.
Как чиновники овладевают собственностью, которая по
понятиям всегда принадлежала государству

Петр Саруханов / «Новая газета»

08:32, 15 июля 2025,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Нынешняя «национализация» в РФ имеет три важные особенности. Первая — она является производной от «приватизации 1990-х». Вторая — она не является «национализацией». И третья — «Вы не понимаете, это другое».

«Никогда в истории человеческое общество не находилось в таком неустойчивом состоянии, как сейчас. Бурные перемены в экономике вызывают такие же бурные перемены в религиозной и политической жизни и в структуре общества. Где-то в недрах общества происходит невидимый глазу, но грандиозный переворот. Эти процессы скорее угадываешь, воспринимаешь каким-то шестым чувством. Но это носится в воздухе — здесь, сегодня, у нас. Что-то надвигается — огромное, неясное, грозное. <...> Я жду прихода каких-то гигантских и грозных событий, тени которых уже сегодня омрачают горизонт. Назовем это угрозой олигархии — дальше я не смею идти в своих предположениях. Трудно даже представить себе ее характер и природу».

Джек Лондон. «Железная Пята».

У монеты в России две стороны, как заметил однажды высокопоставленный российский начальник, выступая на Давосском форуме, — кто-то заработал много денег, а кто-то все потерял и даже умер. Сегодняшнюю национализацию в России невозможно понять без обращения к истории ее приватизации — и сделать из этого выводы и даже прогнозы. И понять, что на самом деле у приватизационной монеты в России не две, а три стороны.

Что получилось — то и цель

What happened is the goal, «что получилось — то и цель» — эту фразу я часто привожу в связи с какими-то действиями правительства, когда говорят, что вот начальство не добилося тех или иных заявленных целей, отвечаю: «а кто сказал вам, что именно эти цели и ставились на самом деле? Мало ли что кто и когда говорит с трибуны — давайте посмотреть на результаты действий — что получилось в итоге?» У начальников есть свои приоритеты, и действуют они исходя из них, а что там кто кому говорит — дело десятое.

На самом деле, контуры и содержание будущей приватизации в России были описаны лет за 10 до ее начала писателем и философом Игорем Ефимовым в книге «Метаполитика»:

«...чиновничья сеть может однажды перестать поддерживать центральную власть, распасться на отдельные звенья или кланы мафиозного толка, каждое звено установит в доставшейся ему «самостоятельной» области военную диктатуру, превратится в паразитирующую прослойку, получающую в виде бенефициев не деревни и сёла, а заводы, фабрики, порты, шахты, гаражи, аэродромы...»

В какой степени Ефимов оказался прав?

С одной стороны, преодолеть позднесоветский кризис можно было только за счет перехода к рыночной экономике, с частной собственностью, свободными ценами и конвертируемой валютой. Это могло перезапустить (и перезапустило!) цепочки

создания добавленной стоимости, которые при социализме работали за счет как аппарата принуждения, так и сложной системы согласований — как между министерствами и ведомствами, так и между самими предприятиями.

Собственно, понимание этих обстоятельств и предопределило содержание реформ: либерализацию цен, внутренней и внешней торговли; переход к конвертируемости рубля вместо множественности валютных курсов. характерной для социализма, и полноценную приватизацию.

Одной из заявленных идей «приватизации 90-х» была идея остановить «номенклатурную приватизацию» конца 1980-х, когда руководители предприятий захватили контроль над денежными потоками, но при этом ответственность за их действия формально продолжало нести государство.

По этому поводу на рубеже восьмидесятых-девяностых был такой анекдот:

«На Съезде народных депутатов, председатель говорит:

— Товарищи, давайте определимся. Кто за социализм, переседайте налево, кто за капитализм, переседайте направо... Посмотрим, где кого больше.

Все качаются влево, вправо, но остаются на своих местах.

Председатель:

— Товарищи, ну что же вы так... Определяйтесь, пересаживайтесь...

— А мы, товарищ председатель, хотим производство, как при социализме, а потребление — как при капитализме.

— Товарищи, надо понимать, в президиуме мест на всех не хватит!!!»

Так вот, это не то чтобы совсем анекдот. Экономист Леонид Григорьев (в 1980-е он работал в Институте мировой экономики, был соавтором множества программ и проектов реформ, а в 1992 году был назначен заместителем министра экономики и финансов, потом работал во Всемирном банке — то есть был человеком, видевшим старт реформ изнутри и знавшим лично всех ключевых деятелей девяностых) в своей книге «Хронология реформ» (НИУ ВШЭ, 2006):

«Я участвовал в нескольких дебатах в Верховном Совете России.

Там был замечательный парень лет сорока — директор большого вертолетного завода.

И ему очень нравилась идея либерализации цен, то, что он может цены назначать.

Ему очень нравилась идея, что он может назначать заработную плату, экспортировать свою продукцию. Все ему очень нравилось, ему одно не нравилось: ликвидация Госснаба гарантированного государственного снабжения по «твердым» ценам».

Понятно, что в этой логике приватизация была необходима, но — как она была произведена?

Комментируя различие в том, что планировалось и что получилось, Григорьев пишет:

«Если говорить о различных программах трансформации начала 1990-х гг., все они предусматривали создание массового собственника, массового акционера, причем массового акционера среди среднего класса, в том числе среднего «среднего», бедного «среднего», богатого среднего — неважно: среднего. Вместо этого тип проведенной приватизации создал, прежде всего, финансовую элиту, т.е. сложилось не среднее звено собственников, а верхнее. Это и есть одна из специфических особенностей российского капитализма».

Ваучеры в 1992 году получили все, полноправными акционерами стали избранные. Фото: Эдди Опп / Коммерсантъ

Вопрос: а были ли какие-то попытки «сделать иначе»?

Нет.

У экономиста Даниила Шестакова (НИУ ВШЭ) и его соавторов есть отличная статья с говорящим названием «Российские экономические реформы: история эволюции концепций» (Мир России. 2012. № 1), в основе которой — работа того же автора «Эволюция концепции российских экономических реформ 1980–1990-х гг.», опубликованная НИУ ВШЭ в 2007 году.

Это очень хорошие тексты, позволяющие получить представление о том, как себе представляли развитие РФ-экономики различные think-tanks и научные коллективы и как их взгляды на практику реформ изменялись (или не изменялись) под влиянием обстоятельств или в ходе дискуссий с оппонентами.

Дискуссии такие были, каждая «команда» предлагала свой вариант, что-то получалось, что-то нет — это нормально, и Даниил Шестаков эти процессы довольно подробно описывает (и заодно объясняет суть разных позиций реформаторов).

Так что «об экономике» дискуссии были, и очень активные, и публичные.

А знаете, о чем не было дискуссий?

О приватизации.

Вот пара свидетельств, которые приводят авторы статьи.

Станислав Шаталин, академик:

«Примечательно, что значительные изменения макроэкономических и социально-политических условий, существенные перестановки в правительстве фактически не повлияли на общие подходы к приватизации, не внесли принципиальных корректив в практику ее проведения».

Леонид Григорьев, замминистра экономики и финансов (1991–1992 гг.):

«В нашем случае ничего не обсуждалось, приняли некоторый вариант. Есть следы скрытых дебатов, очень слабые, я в них участвовал — уверяю вас, что это не дебаты».

А свидетельств о какой-то серьезной публичной дискуссии по поводу приватизации по-настоящему крупных активов бывшего СССР нет (а то бы написали, не сомневайтесь). Решили, как решили.

Таким образом, борьба вокруг приватизации в основном шла по кабинетам, резюмирует Даниил Шестаков.

Почему это интересно?

Потому что по поводу действительно важного для элиты вопроса — кто персонально станет собственником социалистических «заводов, газет, пароходов» — борьба шла «по кабинетам», непублично, а по поводу вопросов для элиты, в общем, неважных — ну там всякая макроэкономика, кто прав Шумпетер или Хайек — да обсуждайте сколько влезет, хоть подеритесь там.

Так что, когда премьер Виктор Степанович Черномырдин сказал свою самую знаменитую шутку про собственное правительство, мол, «хотели как лучше, а получилось как всегда», это он над вами смеялся.

Он мог бы сказать «как пожелали, так и сделали».

Первая сторона монеты. Суть приватизации

Как же так вышло? Леонид Григорьев отчасти отвечает и на этот вопрос.

Приватизаторам было «что делить».

«1986 г.: стали «ускоряться», т.е. покупать за рубежом

оборудование. Это, к слову сказать, хороший урок — увеличение расходов без реформ может вести только к омертвлению средств без эффекта: часть оборудования, купленного в те времена, до сих пор лежит на складах, ...

Другая часть была установлена и приватизировалась из расчета 1 доллар = 60 копеек в соответствии с записью в бухгалтерских книгах. Естественно, в процессе гиперинфляции это оборудование совершенно обесценилось.

То есть при приватизации (это важный момент для размышлений о будущем) какие-нибудь старые здания шли, предположим, по 100 млн рублей (в то время 100 млн — большие деньги), но если там было установлено импортное оборудование, их реальная стоимость составляла 150 млн долларов. Понимаете разницу между бухгалтерской записью и реальной ценностью?

1992 г.: бюджетный дефицит составлял 43% ВВП. Стояла очередь иностранных компаний, готовых платить нормальные деньги на переговорной основе за какие-то части предприятий. ...классический пример: одно крупное химическое предприятие, расположенное не очень далеко от Москвы. В 1980-х гг. было оснащено дорогостоящим японским оборудованием (на несколько сот миллионов долларов). В 1992 г. приходит к нам американская компания и говорит: «Мы купили бы». Начались переговоры. Я их водил по начальству. Они хотели купить 25% предприятия, готовы были платить приличные деньги. Но у нас начинались ваучеры, им ничего не продали: «нельзя» — сказали в «кругах», а директор прятался в ожидании своего счастья».

А почему не продавали иностранцам?

Проблема была в том, что ни иностранный инвестор, ни местный покупатель (условный Вася, директор того самого вертолетного завода, или глава какого-нибудь Центра научно-технического творчества молодежи, заработавший миллионы на обналичке бюджетных средств) не собирались платить за приватизируемое предприятие его «полную стоимость» — если правительство оценивало предприятие в 100 миллионов (условно), то иностранный инвестор, с учетом всех рисков, был готов заплатить 10 миллионов, а местный Вася — 1 (один) миллион.

Тогда почему бы было не продать иностранцу, ведь десять — это больше, чем один? Именно потому, что Вася, «купивший» за миллион то, что могло бы быть продано за 10, прекрасно понимал, кому он *был обязан своим счастьем*. И те, кто продал ему это предприятие, тоже все всё прекрасно понимали.

Комментируя ход и итоги приватизации и приоритеты ее организаторов Леонид Григорьев пишет так:

«...дело даже не в том, что наша приватизация ваучерная, а в том, что она «грандиозно радикальная» и проведена не очень вовремя. Ее начали проводить летом 1992 г. И уже к сентябрю 1993 г., т.е. через 13 месяцев, все население ненавидело эту приватизацию, таким образом, ее политические результаты были негативными. А социально-политическая логика заключается в том, что если ты хочешь укрепиться у власти и проводить реформы, — раздавай понемногу, создавай себе сторонников. Сложные основы частной

собственности надо вводить адекватными методами.

...Чего мы точно не можем утверждать, так это то, что реализованный вариант [приватизации] был единственно возможным, потому что, вообще говоря, его не было, его просто специально придумали.

Но... не произошло «подкупа населения» с помощью приватизации.

Есть одна хорошая работа «Макиавеллиевская приватизация», хотя она и не про Россию. Там сравниваются две чилийские, две французские, чешская и английская приватизации. И показано, что там та же идея, что и в политическом цикле, т.е. правящая партия проводит приватизацию с дисконтом для своих сторонников.

В ходе анализа выясняется, что в пяти из шести случаев после этого ей удается выиграть выборы.

Авторы даже не попытались интерпретировать опыт России, потому что получается, что процесс раздачи собственности в России был против интересов тех политических сил, которые поддерживали реформаторов. Получается обратный результат — и непонятно, зачем они это делали...»

Объяснение у меня только одно: интересы политических сил, «которые поддерживали» реформаторов, начальству, прикрывающемуся «реформаторской риторикой», были глубоко безразличны. Нужен был инструмент, позволяющий быстро сделать миллиардерами узкий слой выходцев из советской

номенклатуры или тех, кто с этой номенклатурой был тесно связан. Это инструмент и был придуман, и задействован. И сработал.

Еще раз: организаторы и бенефициары приватизации были настолько уверены в себе и в своих правах на «общенародную» собственность, что даже не попытались заручиться какой-то более-менее массовой политической поддержкой.

Население возненавидело приватизацию сразу после ее завершения. Фото: Анатолий Морковкин / ИТАР-ТАСС

Собственно, я еще с начала 1990-х помню злую шутку: в 1861 году русских мужиков освободили «без земли», а в 1991 году — «без недр».

Разумеется, в начале 1990-х ни о каком создании «массового среднего класса» организаторы приватизации не думали, чего себе-то врать теперь, через тридцать лет.

Идеальный общественный договор вокруг «приватизации общенародной собственности» в глазах начальства выглядел так: мы не будем заставлять людей выкупать «государственные квартиры», в которых люди живут, ну а людям нечего тут спрашивать, кто станет хозяевами нефтеперегонных комплексов и сталепрокатных комбинатов.

И «социалистическая собственность» оказалась в руках тончайшего слоя бывших советских людей «не пойми как», причем так быстро, что никто ничего не успел сообразить.

И даже сейчас, тридцать лет спустя после приватизации, эти бывшие советские люди не могут объяснить другим бывшим советским людям и их детям, почему, собственно, именно они, а не какие-то другие граждане занимают руководящие посты, одновременно являясь владельцами заводов-пароходов.

Кстати, начальники не могут толком объяснить происхождение своей собственности и друг другу, иначе им не было бы нужды так держаться исключительно за силовой ресурс власти — единственное, что может обеспечивать им право собственности.

Здесь-то и крылась ловушка, в которой оказались владельцы собственности: эта собственность была нелегитимна не только в глазах общества, но и в их собственных глазах, и регулирование прав на эту собственность оказалось полностью в руках правительства, располагавшего силовым ресурсом и

аппаратом принуждения.

Социолог Симон Кордонский:

«...Есть человек, помещик, которому это пространство выдано в пользование и дана санкция на сбор ренты с него. Речь идет о системах вложенных друг в друга поместий: главное поместье — у ... который распределяет территориально-отраслевые поместья, госкорпорации — это отраслевые поместья, которые тоже внутри иерархически организованы, у помещика-администрации есть районные поместья и так далее.

В каком-то смысле неосвоенного и неподвластного пространства в стране нет, все полностью занято. Так с петровских времен повелось, просто меняются типы поместий, но сама организация жизни остается инвариантной».

И если мы посмотрим на *национализацию*, которая в России идет более-менее уже лет двадцать — только разными темпами, — то мы увидим, что она скорее выглядит именно как перераспределение поместий, а не просто как изъятие собственности в интересах «бюджета». Власть в России по большому счету не меняется уже треть века — и одни и те же люди, принимают ключевые решения последние 25 лет. Это те же люди, которые участвовали в приватизации 90-х и сделали в этот период свои политические и коммерческие карьеры. Когда они говорили правду? Когда раздавали собственность тогда или когда забирают ее сейчас?

Для ответа на этот вопрос надо взглянуть на отраслевую

структуру экономики РФ — с точки зрения того, в какой из отраслей какая форма собственности доминирует

Вторая сторона монеты. Национализация — как это работает

Национализация как экономический процесс в современной РФ представляет собой сложный институциональный феномен, сочетающий элементы:

- Формальной передачи собственности государству (прямая национализация).
- Косвенного контроля через механизмы корпоративного управления.
- Де-факто огосударствления через регуляторное давление.

В методологическом плане можно выделить три ключевых вектора национализации:

1. Реактивный (ответ на внешние ограничения).
2. Стратегический (контроль над системообразующими отраслями).
3. Компенсаторный (санация проблемных активов).

Сектора с высокой степенью огосударствления

1. Топливо-энергетический комплекс

Доля государства в нефтегазовом секторе превышает 60%.

Механизмы контроля:

- Прямое участие через Роснефть (69,5% акций) и «Газпром» (50,23%).
- Косвенный контроль через налоговое регулирование.
- Санкционный механизм перераспределения активов (кейс «Сахалин-2»).

2. Финансовый сектор

Доля госбанков в активах системы — 73,4% (на 2024 г.).

Институциональные механизмы:

- Санация через ФКБК (Фонд консолидации банковского сектора).
- Принудительное реструктурирование.
- Экспансия Сбербанка (52,32% у ЦБ РФ).

3. Оборонно-промышленный комплекс

93% предприятий ВПК под контролем государства.

Модель управления:

- *ГК «Ростех» как интегрирующая структура.*
- *Механизмы гособоронзаказа.*

Сектора со смешанной моделью собственности

1. Транспортная инфраструктура

Железнодорожный транспорт (100% госконтроль через РЖД).

Морские порты (вариативная модель):

- Государственные операторы (63% грузооборота).
- Частные концессии (37%).

2. Телекоммуникации и ИТ

«Ростелеком» (53% у государства) как системный интегратор.

Частные игроки под усиливающимся регуляторным давлением:

- Закон о «суверенном интернете».

- Требования локализации данных.
- Квотирование госзакупок.

Это та самая модель устройства экономики, о которой говорит Симон Кордонский:

«Речь идет о системах вложенных друг в друга поместий: главное поместье — у ... который распределяет территориально-отраслевые поместья, госкорпорации — это отраслевые поместья, которые тоже внутри иерархически организованы, у помещика-администрации есть районные поместья и так далее».

Что власти пока оставили в покое — и почему

1. Металлургия и уголь: «Платит налоги? Пусть работает»

- **Норникель, РУСАЛ, СУЭК** — частные, но под пристальным вниманием правительства.
- **Налоги, экология, квоты** — государство не забирает бизнес, но держит его на коротком поводке.

2. Розница: «Хлеб и зрелища — не наше дело»

- **Магнит, Пятерочка, Лента** — пусть торгуют.
- Но **цены на социально значимые товары** контролируются. Потому что пенсионерки и бюджетницы — главная надежда и опора власти.

3. Малый бизнес: «Муравейник, который не стоит тревожить»

- Кафе, мелкие магазины, сервисы — **правительству неинтересны.**

- Пока неинтересны.

В 2022 году процесс национализации ускорился. Началось все с чрезвычайных обстоятельств — уход западных компаний и необходимость консолидации ВПК. На этом этапе были отработаны механизмы отъема собственности, в частности схема отмены приватизационных сделок 1990-х годов на том основании, что предприятия теперь признаются стратегически значимыми.

Параллельно передел собственности стал рассматриваться как политический инструмент поощрения за преданность и наказания за нелояльность, а затем и как инструмент дальнейшей «национализации элиты».

Фото: Александр Миридонов / Коммерсантъ

Этому способствовали специально принятые поправки в законодательство, позволяющие признавать иностранными инвесторами бизнесменов, имеющих второе гражданство или вид на жительство в другой стране, и упрощающие порядок изъятия у них активов.

Хотя, если у государства есть интерес к активу, возвращение бизнеса в российскую юрисдикцию не гарантирует его сохранность. В марте 2025 года, выступая на расширенной коллегии Генпрокуратуры, генеральный прокурор Игорь Краснов сообщил, что его подчиненные обратили в доход государства имущество на 2,4 трлн рублей. Среди прочего были изъяты пять стратегических предприятий, четыре из которых, по мнению ведомства, находились под зарубежным контролем.

Какие инструменты правительство использует для изъятия и

перераспределения активов?

I. Временное управление над иностранными компаниями.

II. Национализация предприятий ввиду политической обстановки. Другой категорией национализируемых предприятий являются те, которые были национализированы по искам Генеральной прокуратуры России. Решения об этом выносят российские суды — как общей юрисдикции, так и арбитражные. Иностранные нефтегазовые компании (Wintershall из ФРГ, ÖMV из Австрии, Shell из Нидерландов и ExxonMobil из США) вынуждены были свернуть свое сотрудничество с российской нефтегазовой отраслью в 2022 году. В результате активы этих компаний были переданы по суду их же российским партнерам в том или ином проекте.

III. Изъятие активов по коррупционным основаниям

IV. Незаконные приватизация, приобретение, владение, пользование и обогащение. Это явление получило уже устоявшееся название «деприватизация». Многие изъятия связаны с незаконной (по мнению прокуроров и судов) приватизацией 1990-х годов. Генпрокуратура утверждает, что срок исковой давности не применяется, т.к. он начинает течь с момента, когда истец (т.е. Генпрокуратура) узнал или должен был узнать о нарушении. Часто Генпрокуратура заявляет, что активы были отчуждены властями субъектов РФ (а не самой РФ) с нарушениями процедур и без ведома федеральных властей.

V. Вынужденное банкротство и ликвидация. Пример: корпорация Microsoft решила окончательно покинуть российский рынок — ее дочерняя структура ООО «Майкрософт Рус» готовится подать заявление о собственном банкротстве в Арбитражный суд Москвы. Соответствующее уведомление [опубликовано](#) на портале «Федресурс». Кредитором компании выступает Газпромбанк. Именно иск со стороны ГПБ стал одной

из причин обращения в суд. В январе 2025 года банк потребовал взыскать с российского юрлица Microsoft 90,9 млн рублей в рамках дела о неосновательном обогащении. Как указано в материалах дела, претензии касаются контракта на техническую поддержку, заключенного в сентябре 2021 года и действовавшего до 12 сентября 2022 года. По утверждениям истца, с апреля 2022 года «Майкрософт Рус» прекратила выполнение своих обязательств по договору, несмотря на то, что получила оплату в полном объеме.

VI. Взыскания в пользу российских компаний. В эту категорию споров попадают дела по искам российских компаний к иностранным контрагентам. Поводом является неисполнение договора иностранцами из-за санкций, введенных иностранными государствами. По результатам этих споров имущество иностранцев может переходить в руки российских истцов.

VII. Приостановление корпоративных прав. Так, права акционеров компаний могут быть приостановлены за неисполнение госзаказа во время военного положения, следует из указа президента РФ, [опубликованного](#) на портале правовых актов 30 мая 2025 г. В этом случае в компании может вводиться внешнее управление. Речь идет о предприятиях авиастроительной и судостроительной отраслей и их субподрядчиках. Оценивать деятельность предприятий будет рабочая группа при коллегии Военно-промышленной комиссии РФ.

VIII. Изъятие в защиту публичных интересов РФ.

IX. Оспаривание сделок, связанных с отчуждением имущества в России иностранными лицами или в их пользу.

--

«Разве сила закона не в том, что он служит справедливости?

— Сила закона в том, что он служит силе.

— А где же наше хваленое правосудие?

— Что ж, сильный всегда прав — тут нет никакого противоречия».

Джек Лондон. Железная пята

Вопрос: а как же реагируют на этот процесс собственники — те самые, кто получил или даже приобрел активы в России? Никак. Все всё понимают. Не было и нет собственности — было и есть временное право распоряжения активом, которое может быть отозвано в любой момент в рамках той или иной процедуры.

Третья сторона монеты

На первый взгляд, единой стратегии деприватизации / национализации не существует, она обслуживает целый спектр разных целей, при этом изъяты в пользу правительства и его уполномоченных лиц могут быть компании самых разнообразных направлений и специализаций. В то же время в процессе национализации можно увидеть жесткую логику создания отраслевых мегахолдингов, находящихся под управлением наиболее доверенных лиц власти.

Так, предприятия, относящиеся к химической промышленности, отходят к создаваемому «Росхиму», агропромышленные компании, вероятно, окажутся в орбите

мегаагрохолдинга, на вершине которого находится «Россельхозбанк», а фирмы, связанные с «оборонкой», отходят к «Ростеху». В фокусе внимания деприватизаторов также находятся объекты транспортной инфраструктуры, по крайней мере часть из которых переходит под контроль «Росатома».

Фото: Артем Геодакян / ТАСС

Во всяком случае, существует даже экономическая теория, обосновывающая этот процесс. Согласно этой теории:

1. В условиях внешних ограничений правительство выступает как:

- Финансовый партнер (через госбанки).
- Гарант сбыта продукции.
- Источник заказа.

2. Примеры: Сбербанк, ВТБ, «Ростех», «Росатом».

3. Аргумент: в текущих условиях такая модель эффективнее чисто рыночного хозяйства.

В чем важные особенности такой модели

- Опора на внутренний рынок, а не на внешний.
- Тесная связь с политической властью.
- Ориентация на правительственный заказ.
- Экспорт остается за сырьевыми компаниями.
- Нет ориентации на глобальную конкуренцию.
- Акцент делается на выполнении требований правительства, а не на рыночной эффективности.

При этом даже официозные экономисты признают риски такой модели — как то:

- Возможность «паразитирования» бизнеса на госресурсах.
- Риски ценового арбитража (покупка по госценам — продажа по рыночным).
- Формирование «семейных» холдингов в ключевых отраслях.
- Сращивание бизнес- и политических элит.
- Зависимость прав собственности от политической лояльности.

Фактически формируется новая экономическая система, где:

- Крупные холдинги контролируют ключевые отрасли.
- Их устойчивость зависит от политической конъюнктуры.
- Модель ориентирована на удовлетворение внутренних потребностей экономики и импортозамещение.

Но на самом деле это только вершина айсберга. Стратегия создания таких отраслевых суперхолдингов — более серьезная и сложная штука, чем может показаться.

И вот почему.

К заявлениям российской власти о том, что правительство готово продолжать текущую политику бесконечно, не стоит относиться как к фигуре речи.

К экономической модели, которая сейчас создается в России, правительство шло много лет методом проб и ошибок и сейчас наверняка считает, что наконец-то отыскало идеальный формат экономики.

Только когда правительство говорит о стабильности, оно употребляет это слово немного не в том смысле, в каком мы этого от него ожидаем, имея в виду стабильное развитие, которого может и не быть. Они хотят, чтобы экономика «росла без развития». Это только кажется парадоксом.

Как это может работать, объяснял нобелевский лауреат Роберт Солоу:

«...на что она была бы похожа экономика, если бы она была стационарной, то есть не росла и не сокращалась. Первое, что было бы действительным, — то, что численность населения постоянна. Второе: никаких инноваций не происходит. Нет новых продуктов, нет новых отраслей, ничего подобного. Экономика стационарна и просто воспроизводит сама себя.

...важно осознавать, что нет такого экономического закона или принципа, который утверждал бы, что такая

экономика не может существовать и процветать. Нигде не написано, что для рыночной экономики выбор заключается в том, что она должна либо расти, либо умереть, — это неправда.

Единственный сбой, который может возникнуть в этом стационарном состоянии, состоит в том, что население захочет увеличить свое богатство за счет сбережений. Но мы не можем позволить этим сбережениям стать инвестициями, поскольку, если сбережения пойдут на строительство новых заводов, новых зданий и т.п., это переведет экономику из стационарного состояния в состояние роста.

Есть простое решение этой проблемы: правительство удовлетворяет стремление населения к накоплениям, создавая дефицит и продавая населению облигации, а вырученные средства не использует для строительства новых дорог или чего-либо еще нового, но тратит их на красивые фейерверки, замечательные концерты, на ежегодные драматические фестивали, как у древних афинян. Такая ситуация может продолжаться вечно.

Но, как мне кажется, вот о чем не думает большинство людей: в экономике, где отсутствует рост, как я уже сказал, не возникает ни новых отраслей, ни новых продуктов. И это не может быть хорошо для социальной мобильности. В такой экономике из года в год будут самовоспроизводиться одни и те же хорошие рабочие места и профессии с высоким статусом, и люди, занимающие эти рабочие места, будут готовить своих детей, чтобы те пошли по их стопам.

Подобное общество будет склонно к наследственной олигархии».

Все это чем дальше, тем больше будет похоже на экономику сказочного государства «трех толстяков», сто лет назад описанного Юрием Олешей. Писатель удивительно точно ухватил суть «государства-корпорации», управляемой хозяевами монополий.

Его «толстяки» — они ведь не президенты, не короли и даже не военные диктаторы. Не очень понятно даже, откуда они взялись и на чем держится их власть. Они просто «толстяки», богаче «самого богатого человека в сто раз», монополисты, первый из которых «владеет всем хлебом», другому «принадлежит весь уголь», а третий «скупил все железо».

«Толстяки» изолированно существуют в своем загородном дворце, а народ занят своими делами в городе и существует отдельно. В удивительном государстве «толстяков» есть министры, но нет ни законов, ни армии, ни полиции. Во всех случаях там действуют «гвардейцы» — наемники власти, которые выполняют ее прямые приказы.

Создание суперхолдингов, которые, с одной стороны, будут похожи на советские отраслевые министерства, с другой стороны — не будут иметь бюджетных ограничений, а с третьей стороны — приносить своим хозяевам сверхдоходы.

В общем, это та же самая история, которую рассказал Игорь Ефимов почти полвека назад. Приватизация 90-х пришла к своему финалу.

«...чиновничья сеть может однажды перестать поддерживать центральную власть, распасться на отдельные звенья или кланы мафиозного толка, каждое звено установит в доставшейся ему «самостоятельной» области военную диктатуру, превратится в паразитирующую прослойку, получающую в виде бенефициев не деревни и сёла, а заводы, фабрики, порты, шахты, гаражи, аэродромы...»

Этот материал вышел в девятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Скромные люди](#)

Полку российских миллиардеров прибыло: за год еще 20 человек, и Россия на пятом месте по их числу и богатству. Но о них мы не знаем ничего

11:11, 22 мая 2025, Дмитрий Прокофьев

[Почему на ПМЭФ-2025 не приехали российские олигархи?](#)

Подводим итоги Форума с экономистом Дмитрием Прокофьевым

16:10, 23 июня 2025, Антон Орехъ, Дмитрий Прокофьев, Елена Панфилова